



**СИБИРСКАЯ ДЕРЕВНЯ:
ИСТОРИЯ,
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Сборник научных трудов

Часть II

**ОМСК
2010**

УДК [63(09)+338.43]
С 34

Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр. в 3 частях. – Омск: Изд-во «Омскбланкиздат», 2010. - Ч. II. - 455 с.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Н.А. Томилов (гл. редактор)
канд.ист.наук Н.К. Чернявская (гл. редактор)
канд.ист.наук Т.Н. Золотова (отв.редактор)
канд.ист.наук В.В. Слабодцкий (отв.редактор)
канд. с.-х. наук Н.Г. Казыдуб
канд. ист. наук С.А. Мулина
д-р ист. наук С.В. Новиков
канд. с.-х. наук З.Ф. Кочергина
канд. ист. наук И.А. Селезнёва
д-р экон. наук В.Ф. Стукач

Рецензенты:

д-р ист. наук Д.А. Алисов
д-р ист. наук В.Г. Рыженко

Конференция подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 10-01-14016 г, и Польской Академии наук.

Сборник научных трудов содержит материалы VIII Международной научно-практической конференции «Сибирская деревня: история современное состояние, перспективы развития», состоявшейся в Омске 21-25 апреля 2010 г. и материалы круглого стола «Аграрная сфера как фактор устойчивого развития общества: исторический, социокультурный и экономический аспекты», прошедшего в г. Тара Омской области 2-4 апреля 2010 г. в рамках конференции.

Представленные материалы будут интересны ученым - историкам этнологам, культурологам, демографам, религиоведам, экономистам, экологам, землеустроителям, правоведам, а также - специалистам работающим в аграрной сфере и области государственного и муниципального управления.

УДК [63(09)+338.43](571)
ISBN 978-5-8042-0143-3

@ Омский государственный аграрный университет, 2010

@ Сибирский филиал Российского института культурологии, 2010

- ¹² ТюмГУ. ПД-1989. Тюменская обл., Ишимский р.-н, д. Савина. Салдоникова Е.В., 1907 г.р.
- ¹³ Там же. ПД-1994. Свердловская обл., Тугулымский р.-н, д. Коняшино. Кортосова Л.К., 1925 г.р.
- ¹⁴ Там же. ПД-1987. Тюменская обл., Юргинский р.-н, д. Сергеево. Сергеева А.И., 1910 г.р.
- ¹⁵ ТОМНИ ПД-1972. Тюменская обл., Уватский р.-н, с. Юровское. Захарова Н.Г., 1912 г.р.
- ¹⁶ ТюмГУ. ПД-1997. Тюменская обл., Тюменский р.-н, с. Каменка. Шишелякина Т.М., 1905 г.р.
- ¹⁷ ГУК ТО «Музейный комплекс им. И.Я. Словцова». ПД-2009. Тюменская обл., Викуловский р.-н, с. Калинино. Осинцева А.Я., 1928 г.р.
- ¹⁸ ТюмГУ. ПД-1994. Тюменская обл., Исетский р.-н, с. Минино. Парфёнова А.Е., 1917 г.р.
- ¹⁹ ТОМНИ. ПД-1989. Тюменская обл., Аромашевский р.-н, д. Б. Кусеряк. Волченко А.Т., 1925 г.р.
- ²⁰ ГУК ТО «Музейный комплекс им. И.Я. Словцова». ПД-2009. Тюменская обл., Викуловский р.-н, с. Поддубровное. Иванова А.А., 1921 г.р.

УДК 821.0:398

С.А. Моисеева

Магнитогорск, государственный университет

**ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ
НОВОЛИНЕЙНЫХ КАЗАЧЬИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЧЕЛЯБИНСКОЙ
ОБЛАСТИ (ПО СОВРЕМЕННЫМ ЭКСПЕДИЦИОННЫМ ЗАПИСЯМ)***

Объектом пристального внимания магнитогорских фольклористов с 1998 г. стала традиционная культура поселков Краснинский (Верхнеуральский р-н), Арсинский (Нагайбакский р-н), Великопетровский (Карталинский р-н). Возникновение этих поселений связано со строительством новой укрепленной линии от г. Орска в направлении г. Троицка. Заселение образованных поселков происходило за счет

* Работа выполнена при поддержке РГНФ №09-04-85403 а/У «Казачьему роду нет переводу: казачий фольклор в контексте современной культуры»

расформированного в 1842 г. Ставропольского калмыцкого войска, белопащенных солдат и солдатских малолеток, казаков «упраздненных третьего и пятого кантонов» и казаков из малоземельных станиц¹.

Несмотря на столь длительное существование выше обозначенных поселков с достаточно проясненной историей их заселения, духовная культура переселенцев до сих пор остается белым пятном на карте региональных фольклорно-этнографических исследований. В связи с этим магнитогорскими исследователями были организованы экспедиционные поездки в п. Краснинский (1998 г., 1999 г., 2001 г.), п. Арсинский (2000 г., 2001 г., 2005 г.), п. Великопетровский (2001 г., 2008 г., 2009 г.).

Особым фрагментом экспедиционных записей в исследуемых селах явились материалы по свадебной обрядности. В настоящей работе мы остановимся на локальных проявлениях свадебно-обрядового комплекса, сохранившегося в казачьих селах до второй половины XX в.

Свадебные нарративы, зафиксированные в п. Великопетровском, позволяют констатировать, что достаточно долгое время (до 60-х гг. XX в.) здесь строго регламентированным и четко разделенным на этапы являлось сватовство.

- I. «Раньше вся родня собиралась и решала, кого в невесты брать, а слово всегда было за старшим».
- II. «Первый день придут просватают, а невестины отложат: «Мы посоветуемся, можно ли отдать за него».
- III. «Отец невесты приходил ночью к жениху в сарай: присматривал, порядок нет ли».
- IV. «Потом уж второй раз приходят сваты. И здесь дают решение».
- V. «Когда засватают, договорятся на запой. Первый день у невесты запой, второй у жениха запой».
- VI. «Собирают жениха и невесту. На женихову ладошку полотенце ложат, потом невестину ладошку. Тут уж вроде её сватали.... Рукопожатие, или как ли [это называлось]»².

VII. Как видим, при выборе молодежью будущего спутника жизни решающим являлся голос представителя старшего поколения семьи-рода. «Помню, в деревне жила одна чёкнутая. Как-то шла она с мельницы... и поклонилась до земли деду одному. У этого деда внук был – георгиевский кавалер, казак. Дед и сказал ему, что берём эту [чёкнутую] в невестки, так как она ему поклонилась. Вот создали такой стол, где родня была, дед решил женить на ней внука. Все были против, но ведь дед старший. Так они и поженились»³.

Решающим этапом сватовства являлся так называемый ритуал «рукобитья». Ни один из информантов не вспомнил точного его названия. Кожухова Т.Г. определяет «рукобитьё» как «рукопожатие». В середине XX в. в местной традиции этот ритуал функционировал под названием «руки связывать». «Меня сватали много, я отказывала несколько раз. Первому сразу отказала. Второму говорю: «Не коли овцу, я все равно за тебя не пойду». А он: «Так уже руки связали...»⁴. В 50-е гг. прошлого столетия девушки уже имели возможность решать самостоятельно, за кого выходить замуж. «Нам руки связали, а он мне не понравился, я за него не пошла».⁴ Видимо, в связи с этим «связывать руки» молодым стали в первый день свадьбы, а не на этапе сватовства. «Дружка на свадьбе связывал руки молодым полотенцем. Заводит за стол с полотенцем...»⁵.

Интересным, на наш взгляд, является ритуал катания по селу «второй невесты». «До свадьбы вечерами все девчонки приходили к невесте домой... В первый вечер «второй невесте» (любезной подружке) в косу много ленточек вплетают. И три улицы проедут, три круга по деревне. А на второй день эти ленты в веник вплетали, наряжали и с этим веником к жениху идут, там девчат чаем поили»⁶. Особым образом в п. Великопетровском в последнюю субботу перед свадьбой проводили ритуал невестинной бани. «В веник ленточки вплетали, наряжали. И волос невесты немного отрезали и вплетали в веник. К жениху шли за мылом. Потом подружки невесту мыли этим веником и мылом. А потом этот веник в сажу мазали и встречали жениха. И нахлыщут и водой хотели облить»⁷.

Еще один значимый элемент великопетровской свадьбы – ритуал расплетания невестинной косы женихом. «Косу расплетал жених. Это после

«разгонного» на 3-4 день свадьбы. Вплетут в косу бог чего, лентами каждую прядь обернут, чтоб закручена была, чтоб труднее жениху было»⁷.

До сегодняшнего дня в местной традиции активно функционирует ритуал воровства кур для лапши. «На третий день курят воровали, ряженные ходили и таскали. Ко всем, кто гулял, во двор заходили. Мешками курят носили...Куриц забивали на лапшу на «разгонный»»⁷.

В п. Арсинском воровали все, что попадет под руку, а на третий день свадьбы ворованное дарили гостям. Назывался этот ритуал в местной традиции «благодарное». ««Благодарно» после двух дней. Дарят, что наворовали. Петуха пьяного на лопате деревянной. Морковку – одиночке, махнушку – одинокому. Махнушка – картошка да шерстка сверху. Дарят, чтобы смешно было»⁸.

В пассивной памяти информантов п. Краснинский сохранился некогда быговавший в местной традиции ритуал «выть зорю». «Когда сводить на другой день, вечером пойдешь зорю выть. Невеста в избе воет, а мы под окном поём»⁹. Из устных рассказов следует, что «выть зорю» ходили и утром, и вечером, в состав исполнителей ритуала входили невеста, подружки, иногда пожилые женщины. Некоторыми информантами называется песня, исполняемая под окнами невесты. «Зорю выли, пели: «Люди ко городу, да приступаются, ко высокому ко нову терему...»»¹⁰. Основным мотивом обозначенного текста выступает мотив «отрыва» девушки-утицы «от своего роду-племени» и «перехода» «ко чужому отцу с матерью».

Локальным проявлением краснинской свадьбы являются и ритуалы «хождения с суслом» в дом жениха за день до свадьбы и «хождения со зварцем» в дом невесты на второй день свадьбы. Сусло, по экспедиционным материалам, – квас, приготовленный следующим образом: «проращивали рожь, размалывали, запаривали в русской печи...с неделю сусло стоит, ему дают скиснуть. Потом сусло сливали в бочку, два-три дня оно кисло в кадке. Сусло густое вкусное, как хороший квас»¹¹. Девушки в дом жениха несли полную стопку сусла, перевернутую вверх дном на тарелке. В сусло при этом подмешивали различные приправы (перец, горчица). Если жених любил невесту, то должен был выпить содержимое рюмки.

Подобный напиток – зварц (подслащенное сусло) – должна была выпить и невеста. Приносили этот напиток в дом невесты родственники жениха – ряженные. «На второе утро едут к невестинной родне со зварцем, с красным флагом. Когда приходят со зварцем, то пытаются украсть что-нибудь. А женихову родню забирают в плен, прячут в стайку. Потом пленных ведут к жениху на похмелье»¹².

В целом, анализируя свадебные нарративы, зафиксированные в последнее десятилетие, мы пришли к выводу о том, что в свадьбе обследуемых казачьих поселений соединяются черты обрядовых комплексов южнорусских, севернорусских и центральных губерний. Именно этим, на наш взгляд, определяется самобытность свадебного обряда, сохранившегося частично в активном бытовании и частично в пассивной памяти населения бывших казачьих поселков юга Челябинской области.

¹ Филиппова И.А. Репрезентация русской ментальности в фольклоре оренбургских казаков. / Дис... канд. филол. наук. – Челябинск, 2007. – С.30-31.

² Из архивных фондов лабораторий народной культуры Магнитогорского государственного университета: ЭК (экспедиция) – 24, 2001. Великопетровка, п. (папка) 1, л. (лист) 1-42.

³ Там же. Записано от Кожухова А.Я., 1929 г.р. (год рождения).

⁴ Там же. Записано от Кожуховой Т.Г., 1929 г.р.

⁵ Там же. Записано от Вахтеровой М.Н., 1939 г.р.

⁶ Там же. Записано от Артемьевой Е.Е., 1902 г.р.

⁷ Там же. Записано от Сибирчиковой Т.Д., 1930 г.р.

⁸ ЭК-22, 2000, Арси. Записано от Катаевой Т.Н., 1925 г.р.

⁹ ЭК-12⁶, 2001, Краснинский. Записано от Шеметовой М.Д., 1915 г.р.

¹⁰ ЭК-12⁴, 1999, Краснинский. Записано от Мельниковой Е.И., 1913 г.р.

¹¹ ЭК-12⁶, 2001, Краснинский. Записано от Сысуевой З.Д., 1929 г.р.

¹² ЭК-12⁴, 1999, Краснинский. Записано от Зайцевой А.В., 1930 г.р.